

УДК 1(091)

ФИЛОСОФИЯ А. ДАНТО: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В.П. Потамская

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.238

Представлена аналитическая философия истории А. Данто, направленная на исследование логического статуса исторических высказываний. Указывается, что ключевым концептом его философии истории являются нарратив и нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Отмечается, что историческое значение приписывается посредством нарративных предложений, при этом истинность или ложность подобных предложений зависит от момента их произнесения.

Ключевые слова: история, историческое познание, аналитическая философия истории, нарратив.

Проблема истории и ее осмысления существовала в философской мысли на протяжении всего времени ее развития и выразилась в существовании двух основополагающих подходов к истории: спекулятивной философии истории и аналитической философии истории. К середине 1970-х гг. в аналитической традиции был осуществлен переход от гемпелианской дедуктивно-номологической модели объяснения к историческому нарративу как форме исторического объяснения. Одну из возможных трактовок исторического нарратива – когнитивную предложил Артур Данто (1924–2013).

Данто определял себя, с одной стороны, как модерниста, выступая за создание структур, извлекая их из элементарных единиц: «Я развил теорию действия, введя в нее понятие базовых действий – действий, которые не имеют никаких последующих действий как своих компонентов... Это значит, что можно идентифицировать структуры, через которые базовые действия трансформируются в действия более высокого порядка и точно так же поступать и с познавательными способностями» [6, с. 241]. С другой стороны, он является постмодернистом, отрицая специализацию, и отмечая «отсутствие места»: «никто не должен быть определяем структурами, навязанными гендером, расой или чем-то еще» [6, с. 241] и выступая за плюрализм. «Как вы заметили, мой характер непостоянен: здесь я модернист, там – постмодернист. Я полагаю, что это действительно делает меня постмодернистом по определению» [6, с. 250–251]. Нарратив также демонстрирует подобную двойственность, т. к. в границах модернизма нарратив не использовался как литературный и декоративный, в то время как в постмодернизме пределы применения нарратива не определены.

© Потамская В.П., 2021

По словам Дж. Боррадори, Данто отстаивал «фундаменталистское видение аналитического концептуального горизонта», в котором роль, приписываемая философии, состоит в сведении сущностей к их составным частям и использовании средств логического анализа [5, с. 107]. На протяжении всей своей философской карьеры он оставался приверженцем аналитической методологии, которая позволяет дать дескрипцию любых проблем не только научного, но и практического отношения к миру [1, с. 144]. Концепция Данто также рассматривается как неоклассическая, в рамках которой «логический анализ достигает своей цели и обнаруживает свою трансцендентальную ценность, сводя ментальные и материальные объекты к их составным частям» [2, с. 28]. Д. Кэрриер характеризовал взгляд Данто на философию как картезианский и негегелианский: он рассматривает историю философии в терминах открытия проблемы (нежели в терминах описания проблем в зависимости от времени и места). Кроме того, Данто отличает явный антидерридализм, наиболее ярко проявляющийся в книгах, посвященных Ф. Ницше и Ж.-П. Сартру, поскольку философ предполагает возможность обсуждения более ранних философских проблем, используя современный язык, а не в терминах рассматриваемой философской модели. Антиисторицизм Данто как представителя аналитической философии состоит в обсуждении философских проблем без исследования способов выражения и словаря предшествующей философской традиции [11, р. 14].

В 1965 г. вышла «Аналитическая философия истории», предметом рассмотрения которой стал нарратив. Она была обусловлена не только постепенным отходом от логического эмпиризма, но и интересом Данто к историческому объяснению, как оно представлено в работах Т. Куна и Н.Р. Хансона. Данто отмечал, что его главная цель в «Аналитической философии истории» состояла в преодолении определенного скептицизма в отношении возможности знания, тем самым это было «упражнение в исторической эпистемологии» [15, р. 191]. По словам П. Рикера, «Аналитическая философия истории» – это первая речь в защиту нарративистской интерпретации, произнесенная в рамках самой аналитической философии [7, с. 166].

В «Нарративе и знании» Данто усиливает отход от позитивизма и фокусируется на роли нарратива, что, как отмечает Кэрриер, сближает его с воззрениями Х. Уайта и наиболее известными французскими нарративистами. Но в отличие от них, Данто никогда не был релятивистом. Он полагал, что язык описывает структуры мира, но не испытывал симпатии к нарративистам и деконструктивистам, полагающим, что любое разделение мира и текста, используемое для отображения действительности, является проблематичным и потенциально ошибочным [10, р. 3–4].

Обращаясь к проблеме научного статуса истории, Данто предлагал следующее ее решение, указывая, что она является автономной дисциплиной, но относится к гуманитарным области знания, по-

сколькo связана с человеком и человеческими интерпретациями прошлой реальности [15, p. 191]. Проблема истинных высказываний о прошлом также привлекала его внимание. Он критически рассматривал возражения против подобных утверждений: в границах первого возражения отрицается возможность того, что некоторые утверждения действительно говорят о прошлом, второе возражение провозглашает, что прошлого, по сути, не существует, а третье возражение непосредственным образом связано с историческим релятивизмом.

Критически рассматривая каждый из данных аргументов относительно возможности исторического знания, Данто последовательно отверг их, придя к следующим выводам. Истинные предложения, выраженные в прошедшем времени, говорят о прошлом. Истинность связана со временем, т. е. с тем, в какой момент времени высказывание прозвучало. При этом не каждое возможное описание является истинным и не каждое возможное событие реально [4, с. 105]. Верифицируемость не является адекватным критерием осмысленности относительно высказываний историков, поскольку даже важные описания прошлых событий таковы, что человек лишен возможности пережить прошлое в настоящем. «Фактуальную» информацию, содержащуюся в предложениях со ссылкой на время, нельзя отделить от информации о времени [4, с. 60]. Стало быть, формы времени не могут быть устранены таким образом, чтобы та же самая информация была выражена без них, поэтому невозможно считать, что ни одно предложение как таковое не говорит о прошлом. Применение терминов и выражений к объектам настоящего логически связано со ссылкой на определенные прошлые объекты и события, которые каузально связаны с данными объектами настоящего [4, с. 74–75]. Более того, философ замечает, что три процесса – освоение понятия прошлого, освоение терминологии, относящейся к прошлому и будущему, и освоение понятия причинности – тесно взаимосвязаны. Рассматривая проблему исторического релятивизма, Данто отмечал, что в истории, как и в науке, объективность недостижима, а отбор интерпретаций определяется убеждениями ученого. Разногласия между исследователями порождают не исторический скептицизм, а общий скептицизм в отношении процесса познания и его принципов.

Таким образом, Данто констатировал возможность истинных высказываний о прошлом и обратился к центральной проблеме «Аналитической философии истории» – нарративным высказываниям. Обсуждение Данто роли и смысла нарративных высказываний является одной из наиболее плодотворных и оригинальных теоретических идей, поскольку в ее границах обосновывается возможность применения нарратива как формы объяснений.

Рассуждая с позиций нарративного реализма, он полагал, что в истории существует объективная организация событий; существуют реалии, с которыми нарративы корреспондируют [6, с. 253–254]. Нарра-

тивные высказывания принадлежат историям, которые могут рассказать только историки, поскольку их структура предусматривает обращение к будущему, которое недоступно современникам событий. Подобные высказывания относятся, по крайней мере, к двум разделенным во времени событиям и описывают раннее событие в свете более позднего. Чаще всего они употребляются в прошедшем времени.

Нарративная структура – это один из базовых путей репрезентации мира посредством языка, следовательно, и образ человеческой жизни также является нарративным. Нарративный дискурс, в свою очередь, представляется Данто существенно неполным, поскольку полное описание прошлого предполагает полное описание будущего, которое недостижимо: «Перефразируя знаменитый логический результат, можно кратко сказать: невозможно непротиворечивое и полное историческое описание. Иными словами, наше знание о прошлом ограничено нашим знанием (или незнанием) будущего» [4, с. 25].

Основной тезис Данто «состоит в том, что нарративные высказывания тесно связаны с нашим понятием истории, а что их анализ поможет выявить наиболее важные черты этого понятия» [4, с. 39]. Как отмечает У. Уолш, мы, как правило, рассматриваем элементы прошлого в связи друг с другом, определяя нарративные начала, которые не были известны, как наиболее раннее событие в то время или обнаруживаем смысл ранних происшествий в свете того, что произошло позже [18, р. 50]. Темпоральная дистанция между историографическим дискурсом и прошлыми событиями является одним из условий возникновения специфического исторического значения событий.

Данто полагал, что событие приобретает историческое значение благодаря своей связи с другими событиями, которые представляют интерес для создателя повествования. Общая особенность исторического упорядочивания событий заключается в том, что их значение постоянно переоценивается в свете более поздней информации. Историческое значение приписывается посредством нарративных предложений, при этом истинность или ложность подобных предложений зависит от момента их произнесения: «именно этот момент может установить границу между истиной и ложью» [4, р. 190–191]. Как отмечает У. Дрей, элементом истинности для Данто является утверждение, что «когда мы спрашиваем о конкретной исторической важности события, мы автоматически отмечаем то, что к этому привело» [12, р. 80]. Тем самым, историческое значение приписывается посредством нарративных предложений, при этом истинность или ложность подобных предложений зависит от момента их произнесения. Несмотря на то, что исторические нарративы отбирают то, что кажется важным, события могут содержаться в историческом нарративе просто вследствие их свойственности человеческим интересам [12, р. 119].

Данто, обращаясь к вопросу о необходимости различения простого и значимого повествований, пришел к выводу, что история со-

ставляет одно целое, т. е. невозможно выделить простое и значимое повествования. Философ присоединился к идеям Л. Ранке, рассматривая его определение целей историка как минимальную цель историка. Историк с помощью повествования, которое является способом организации событий, описывают произошедшее, при этом включаясь также в процесс интерпретации.

Философ выделяет два компонента исторического повествования: концептуальные и документальные источники. Концептуальным источником является воображение историка и понятийный аппарат, посредством которого упорядочивается прошлая реальность. Нарратив создается в качестве описания происшедших событий и в определенном роде основывается на концептуальных источниках, направляющих интерпретацию явления. При этом невозможно придать исторический смысл разрозненным фактам пока не будет обнаружено повествование, которому они послужат подтверждением [4, с. 119–120]. Само использование повествовательной организации логически предполагает непреодолимый субъективный фактор.

Цель историка, по Данто, состоит не в создании совершенного полного описания, а в том, чтобы предложить понимание произошедшего, не упустив важных деталей: повествование – «структура, накладываемая на события, которые одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения» [4, с. 129]. Следовательно, создание нарратива – это организация процесса познания, в рамках которого формируется мнение относительно реальности, образ которой создается в ходе его прочтения.

Данто утверждал, что полное описание события E («множество предложений, которые излагают абсолютно все, что происходило во время события E ») невозможно и доказывает эту мысль, исходя от противного. Философ ввел фигуру Идеального хрониста, осведомленного о любом событии, даже если оно совершилось в сознании людей, при этом описание, созданное им, является полным. Идеальный хронист мгновенно и незамедлительно записывает все события, отмечая, как именно они произошли, создавая описание в виде Идеальной хроники. «Идеальная хроника, таким образом, должна быть окончательной» [4, с. 144]. Тем самым, прошлое само по себе и его Идеальный хронист являются неразличимыми, поскольку, гипотетически, прошлое не содержит ничего, чего нет в Идеальной хронике. Идеальная хроника является репрезентацией, которая неразличима от прошлой реальности, которую она репрезентирует [8, р. 297–298].

Данто убежден, что Идеальная хроника является неполной, что противоречит ее изначальной характеристике как полной [4, с. 146]. Неполнота обусловлена наличием класса описаний, которые не могут быть результатом наблюдения, и незнанием будущего, поскольку полное повествование невозможно без него. Например, предложение «Тридцати-

летняя война началась в 1618 г.» ссылается на начало и окончание войны, но описывается в нем только начало войны. Принимая во внимание, что эта война была так названа из-за ее длительности, никто не мог охарактеризовать ее в 1618 г. или в любое другое время до 1648 г. как «Тридцатилетнюю войну». Даже если бы кто-то предсказал подобный ход событий, это было бы утверждение о будущем, что является недопустимым для условий создания Идеальной Хроники. В Идеальной хронике не могут присутствовать предикаты «предвосхищает», «верно предсказал», «спровоцировал», «начал», «предшествовал», «дал начало», «быть причиной», поскольку будучи истинными относительно события E , они логически предполагают появление более позднего по времени события, чем E . Как отмечал П. Рот, А. Данто продемонстрировал, что существуют истинные утверждения о некотором времени t в прошлом, которые не могли быть известны как истинные в то время [16, р. 6]. Подобные нарративные предложения не могут содержаться в Идеальной хронике, поскольку они содержат ссылку по крайней мере на два разделенных во времени события, но при этом описывают более раннее из них. Следовательно, нарративное предложение не просто ссылается на два разделенных во времени события и описывает более раннее из них через ссылку на более позднее. Помимо истинности этого высказывания, оно логически предполагает, что оба события действительно произошли [4, с. 154–160]. При этом выбор повествования обусловлен его окончанием, поскольку начало нарратива описывается со ссылкой на его конец. «Одна из основных задач повествования состоит в том, чтобы охарактеризовать арену действия, которое ведет к концу, а описание последнего служит объяснением изменению, крайними точками которого являются начало и конец повествования» [4, с. 235].

Подход Данто к разработке теории исторического повествования выглядит как попытка пересмотра видения в качестве главного звена эпистемологии истории проблемы объяснения событий минувшего сквозь призму модели «охватывающих законов», разработанной К. Поппером и К. Гемпелем [3, с. 146]. Дедуктивно-номологическая модель, по мнению Данто, является истинной, она просто перестала быть релевантной и была вытеснена определенным набором вопросов, миром, которому она больше не соответствовала. По мнению Данто, объяснение какого-то явления всегда относительно, поскольку оно связано с определённым описанием данного явления. Когда мы объясняем явление E , представленное описанием $D1$, всегда можно найти другое описание $D2$ этого явления, при котором первоначальное объяснение уже не может использоваться. Неисчислимо множество возможных описаний некоторого явления ведет за собой бесконечное количество объяснений этого явления. В свою очередь, могут существовать такие описания данного явления, при которых его вообще нельзя объяснить [4, с. 208]. Однако события являются не объяснимыми лишь при тех описа-

ниях, которые им дали: «Чтобы объяснить эти события, им нужно дать другое описание. В самом деле, если мы способны дать иное описание событий, то это, в некотором смысле, уже означает, что мы объяснили их. Часто только благодаря другому описанию мы приходим к объяснению, включающему в себя общий закон» [4, с. 209–210]. Вместе с тем, Данто отрицал, что исторические законы будут настолько специфическими, чтобы позволить говорить о некоторой определенности в формулировании предсказаний, поскольку знание будущего должно остаться абстрактным в противоположность знания прошлого. Задача истории состоит в том, чтобы рассказать историю того, что случилось [17, р. 114].

Данто рассматривал нарративы как объяснения, оперирующие причинностью. Экспанандум, тем самым, описывает не просто то, что произошло (событие), а изменение, при этом и начало, и конец являются частями экспанандума. Поскольку структура повествования представлена началом, серединой и концом, «объяснение состоит в заполнении “середины” между крайними временными точками происшедшего изменения» [4, с. 221]. Событие H (то, что происходит с X и является причиной изменения X) должно выбираться с учетом некоторого общего понятия, представленного, возможно, в виде общего закона. H должно быть событием, которое может произвести изменение от F к G в субъекте X . Также следует отметить, что нарративы – это не только наброски объяснения, отмечающие место, где нужно вставить законы. Они могут быть рассмотрены как результаты, «добавления в наброски объяснения общих законов, отмечающих место, где нужно вставить описание события» [4, с. 225]. Другими словами, когда известно, к какому закону необходимо прибегнуть, но неизвестно, что в точности произошло, повествование является описанием, в котором общее знание о том, какого рода событие должно было произойти, заменяется конкретным знанием о том, какое именно событие в действительности произошло.

Объяснение можно получить только в ходе исторического исследования, направляемого имеющимся наброском повествования (т. е. когда общее описание будет заменено конкретным). При этом не всегда возможно определить, какой общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования. Общие законы являются, скорее, обобщениями, создававшимися поколениями. Данные обобщения входят в терминологический аппарат и понятия, используемые для организации опыта. Анализ нарративных высказываний Данто имеет три эпистемологических подтекста. Во-первых, понятие причины в нарративных высказываниях выражается в том, что последующее событие трансформирует первое в причину. Во-вторых, в оппозиции рациональному объяснению Дрея, Данто отмечал, что причинная оценка в истории придает такое значение действию, которое было неизвестно дей-

ствующим лицам. Именно историк, а не современник события, преобразует различные персональные действия во всеобъемлющее действие и способен продемонстрировать значение даже непреднамеренных последствий действия. В-третьих, хотя нарратив не всегда можно свести к дедуктивному выводу, дедуктивный вывод является формой объяснения.

Как отмечает Д. Полкингхорн, Данто фокусировался на индивидуальных нарративных высказываниях, нежели на нарративном дискурсе, в котором связующая структура связывает высказывания вместе в одной истории. Его история напоминает хронику, серию нарративных высказываний о специфических причинных связях, которым не достает объединительной темы – сюжета, в котором высказывания соединены вместе в одну историю [14, р. 50]. По мнению Анкерсмита, определенным недостатком концепции Данто является то, что он анализирует нарративные предложения, игнорируя природу повествования саму по себе [9, р. 47]. К. Хюбнер указывал, что объяснение Данто не становится дублированием модели Гемпеля, поскольку, во-первых, нельзя сказать, что закон, используемый в данной схеме, всегда является тривиальным; во-вторых, даже если закон является тривиальным для историка, он не является бессодержательным [13, р. 181].

Обращение к проблеме причинности основывается на концепции Д. Юма: Данто подчеркивал наличие социальной наследственности в создании используемых обобщений [4, с. 229]. Во-первых, для создания объяснения необходимо найти верное общее описание рассматриваемого события, рассмотрев его в определенной причинной перспективе. В случае успеха подобрать подходящий закон будет нетрудно и это будет осуществлено автоматически, поскольку известны причины, которые должны повлечь за собой данное изменение. История отчасти тем и привлекательна, что на протяжении веков демонстрирует бесконечное многообразие различных действий, которые при этом допускают то же общее описание и подводятся под те же общие принципы, которые используются в повседневной жизни и которые, будучи сформулированными, оказываются не чем иным, как трюизмами [4, с. 230]. Во-вторых, каузальные объяснения в истории должны восприниматься как нестрогие. Причинная необходимость заключена не в самих событиях, но приносится в соединения событий, которые называются причиной и следствием, и в этом смысле является привычкой нашего ума. Однако совершенно очевидно, что явления, подпадающие под общие описания, например, под описание «революция» очень сильно отличаются друг от друга.

Испытывая определенное влияние Л. Витгенштейна, Данто проводил разграничение между атомарным и молекулярным нарративом. Атомарное повествование содержит начало, конец и середину, т. е. начальное состояние, причины изменения и конечное состояние. Молекулярные повествования описывают сложный процесс, где объект под-

вергается целой серии изменений. Для их объяснения не существует единой причины, и для объяснения главного изменения необходимо установить серию причин. В молекулярном повествовании каждый элемент подпадает под общий закон, но необязательно существует закон, охватывающий все изменение в целом. Тем самым, возможно иметь дедуктивные объяснения каждого атомарного изменения в цепи и не иметь объяснения совокупного изменения [4, с. 239]. Молекулярное повествование не требует наличия общего закона, охватывающего все изменение в целом, оно предлагает объяснение исходя из составляющих совокупное изменение изменений, каждое из которых может быть объяснено посредством подведения под закон.

Итак, Данто предлагал аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследовался логический статус исторических высказываний. Он отмечал, что история может быть написана только с ретроспективной позиции в свете последующих событий, т. е. выбор начала нарратива определяется прошлым. Ключевым концептом его философии истории являются нарратив и нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Нарративные высказывания являются центральными для способа описания мира, будучи, тем самым, историческими и предполагающими исторический образ мышления. Нарратив сам по себе не может быть верифицируем, поскольку он является продуктом сознания историка, поэтому двумя основными критериями его оценки являются внутренняя согласованность и связность доказательств. Однако утверждения на уровне факта могут быть верифицированы на основе доступных свидетельств о прошлом. Данто указывал, что определенные суждения являются истинными или ложными и что истинность или ложность суждений зависит от положения вещей. То, что историки будущего скажут о нашей реальности, неизвестно, т. к. если бы мы были осведомлены об этом, то могли бы опровергнуть их описания точно так же, как мы можем опровергнуть предсказания. Историческое понимание заключается в постижении произошедшего с временной перспективы, оно доступно только посредством рассмотрения прошлого с позиции будущего, которое недоступно, когда прошлое было настоящим.

Данто рассматривал нарратив как форму объяснения, стремясь показать, что написание истории коррелирует с любой другой аналитической попыткой объяснения, и не исключал возможность истинности высказываний о прошлом на уровне репрезентации. Сохраняя идею объяснения в истории через использование общих законов, он стремился преобразовать ее для возможного применения в истолковании событий прошлого. Функция объяснения была экстраполирована с общих законов на нарратив. Возможность определить, какой конкретный случай подпадает под общий закон, реализуется только посредством исторического исследования. Цель историка, в свою очередь, состоит не в

создании совершенного полного описания, а в том, чтобы предложить понимание произошедшего, не упустив важных деталей. При этом не всегда возможно определить, какой общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования. Проблема значения некоего события может быть рассмотрена только в контексте завершённого рассказа. Одно и то же событие будет приобретать различные значения в соответствии с разными множествами более поздних событий, с которыми оно связывается.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2018. № 2. С. 144–156.
2. Боррадори Дж. Атлантическая стена: новая картография // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис. 1999. С. 9–34.
3. Губман Б.Л. А.К. Данто и П. Рикёр: повествование как способ познания истории // Философские науки. 2018. № 10. С. 143–159.
4. Данто А.К. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Данто А.К. Космополитический алфавит искусства // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. С. 106–125.
6. Интервью с А. Данто // Философия история после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
7. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
8. Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.-Y.: Columbia University Press, 2007. P. 175–197.
9. Ankersmit F.R. Meaning, Truth and reference in historical representation. Ithaca; N.-Y.: Cornell University Press. 2012. 264 p.
10. Carrier D. Danto and his critics: After the end of art and art history [Electronic resource]. URL: <https://kirkbrideplan.files.wordpress.com/2012/07/danto-and-his-critics-after-the-end-of-art.pdf> (accessed: 03.10.2020).
11. Carrier D. Danto as systematic philosopher or comme on lit Danto en français // Danto and his critics / edited by M. Rollins. Oxford: Blackswell, 1993. P. 13–27.
12. Dray W.H. On history and philosophers of history. Leiden: E. J. Brill, 1989. 237 p.
13. Hubner K. Critique of scientific reason. Chicago: University Of Chicago Press, 1988. 291 p.

14. Polkinghorne D.E. Narrative knowing and the human sciences. Albany: State University of New York Press, 1988. 246 p.
15. Response Danto on Ankersmit F.R. Danto, history and the tragedy of human existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.-Y.: Columbia University Press, 2007. P. 190–197.
16. Roth P. Narrative explanations: the case of history [Electronic resource]. URL: <https://paulroth.sites.ucsc.edu/wpcontent/uploads/sites/236/2015/08/Narrative-explanations-The-case-of-history.pdf> (accessed 20.02.2020).
17. Solomon R., Higgins K.M. Atomism, Art, and Arthur: Danto's Hegelian Turn // Danto and his Critics / edited by M. Rollins. 1993. Cornwall: Blackwell, P. 107–126.
18. Walsh W.H. Facts and values in history // Facts and values: philosophical reflection from western and non-western perspectives / edited by M.C. Doeser, J.N. Kraay. Boston; Lancaster: MartinusNijhoff publishers, 1986. P. 49–64.

A. DANTO'S PHILOSOPHY: THE PROBLEM OF HISTORICAL NARRATIVE

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on A. Danto's analytical approach to the philosophy of history aimed at studying the logical status of historical sentences. It reveals that the key concepts of Danto's philosophy of history are «narrative» and «narrative sentences» have two main functions: description and explanation. It is noted that historical meaning is attributed through narrative sentences, while the truth or falsity of such sentences depends on the moment they are pronounced.

Keywords: *history, historical knowledge, analytical philosophy of history, narrative.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Author information:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Dept. of Media Technologies and Public Relations, Tver State Technical University, Tver. Email: potamskaya.v@yandex.ru